

Прозрачная жидкость плескалась в кружке.

Хэ Гуань пил в одиночестве, и эта пьянка носила сугубо экспериментальный характер, поэтому в комнате царила тишина.

Он, не раздумывая и почти не прерываясь, проглотил крепкий алкоголь.

Поначалу Хэ Гуань еще сохранял ясность сознания — то есть понимал, что рядом кто-то есть.

Но вскоре голова стала невыносимо тяжелой. Стоило ему снова открыть глаза, как перед ним предстал узор низкого круглого столика, который он сам же сюда и притащил.

Неизвестно, в какой момент его лицо прижалось к столешнице.

Когда в бутылке не осталось ни капли, Хэ Гуань уперся руками в стол, с трудом приподнял корпус и невнятно пробормотал:

— Старина Лоу, ты где?

В глазах у него все плыло:

— Как же раздражает... Почему тебя здесь трое? Кто из вас настоящий?

— Ни одного из нас здесь нет, я у тебя за спиной.

Из телефона, который держал ответивший, донесся звук.

Женский механический голос произнес:

— Стоп. Тридцать пять минут тридцать шесть секунд пятьдесят пять сотых.

Опьяневший юноша с покрасневшимся лицом машинально откинулся назад и тут же оказался в крепких объятиях — его подхватили за талию.

Даже будучи пьяным, Хэ Гуань помнил, что Лоу Дунцан сидел рядом, а не за спиной.

— Когда это ты... успел пересесть мне за спину?

Тот, кто его держал, тихо констатировал факт:

— Это ты, захмелев, завалился ко мне на руки.

Хэ Гуань принялся упрячиться:

— Не может быть... Как я мог...

Но когда пришло время объясниться, он вдруг лишился дара речи.

Почему язык его не слушается...

— Что именно невозможно? — спросил Лоу Дунцан.

Хэ Гуань промолчал, нашел удобное место в его объятиях, обвил его руками и ногами, решив окончательно отпустить контроль над телом и довериться своим желаниям.

— Так жарко...

Лоу Дунцан собирался было положить телефон на низкий столик, но не ожидал, что Хэ Гуань всей тяжестью навалится на него, потянет назад и повалит прямо на ковер.

Лоу Дунцан лежал на полу, не пытаясь сопротивляться:

— Ты пьян.

Хэ Гуань, уткнувшись лицом ему в грудь, глухо рассмеялся:

— М-м, знаю.

Лоу Дунцан продолжил:

— Ты окончательно опьянел на тридцать пятой минуте.

Он постарался придать голосу как можно меньше допросной интонации:

— А раньше?

— Раньше... — отозвался Хэ Гуань. — Раньше, когда я еще работал в компании нашей семьи.

Нашей семьи.

Очередное ключевое слово.

Сказав это, Хэ Гуань больше ничего не пояснил. Ему, видимо, стало жарко, и он прижался еще плотнее, потянувшись к обнаженной коже на шее Лоу Дунцана.

Теперь его дыхание, пропитанное алкоголем, обдавало шею Лоу Дунцана.

Хэ Гуань довольно потерся щекой:

— Прохладный, хорошая змея.

Лоу Дунцан усомнился, что правильно расслышал:

— Какая змея?

Хэ Гуань сердито на него посмотрел:

— Змея. Длинная такая, холодная, вот эта, которую я обнимаю.

Какой же он глупый, даже слов не понимает.

Он попытался объяснить ему, что такое змея:

— Хорошие змеи много не говорят, как моя маисовый полоз. А ты болтаешь без умолку, так нельзя, это не по-змеиному.

— Твой маисовый полоз? Ты держишь змей? — переспросил Лоу Дунцан.

— Ну да... конечно, моего полоза зовут Сяо Хуан... такой послушный...

Но Лоу Дунцан помнил, что говорил ему отец...

Хэ Гуань боится змей.

Лоу Дунцан даже помнил тон, которым Хэ Гуань говорил в день своего приезда в дом семьи Лоу.

Юноша тогда язвительно и брезгливо заявил, что не желает видеть в доме ничего, что хоть как-то связано со змеями.

Поэтому слугам пришлось проделать огромную работу: они убрали из усадьбы Цандун все картины, украшения и предметы роскоши, напоминавшие форму змей.

Лоу Дунцан внезапно открыл глаза в темной комнате.

Экран телефона продолжал светиться, и этот холодный, неживой свет отражался в его прозрачных, лишенных всякой человечности зрачках.

Голос его стал опасным, рука на талии Хэ Гуаня сжалась сильнее:

— Кто ты?

Откуда ты пришел?

Ты правда Хэ Гуань?

Или ты призрак, занявший чужое тело?

— Ты свинья, — ответил Хэ Гуань.

— ...

Хэ Гуань укусил его.

— Я — Хэ Гуань. Ты — свинья.

С самого детства никто и никогда не кусал Лоу Дунцана, но вместо гнева он испытал нечто вроде любопытства.

Это любопытство притупило его агрессивный настрой.

Глаза Лоу Дунцана в свете экрана казались нечеловечески пустыми; они следили за движениями Хэ Гуаня, но словно ничего не видели.

Он задал другой вопрос:

— Почему ты меня не боишься?

Со стороны эта сцена выглядела как кадр из фильма ужасов.

Хэ Гуань ничего не замечал, продолжая тереться о него:

— Такой прохладный, мне нравится.

Он выпил слишком много и слишком быстро, адреналин зашкаливал, и теперь внутри него словно бушевал пожар — жар был таким сильным, что, казалось, вот-вот прорвется сквозь кожу.

<http://bllate.org/book/18907/1848867>